

Фотоконкурс «Металлург Магнитки»

Мы из одного цеха

Снимки работника копрового цеха № 1 В.Коженикова

ОЧЕРКИ НРАВОВ

Римма ДЫШАЛЕНКОВА

О ЛЮБВИ

Тема эта настолько огромная и ответственная, что требует крайней осторожности. Но не говорить о любви нельзя, потому что она одна несет в себе всю энергию жизни, потому что забвение любви ведет людей сперва к одиночеству, потом к растерянности и потере смысла жизни. Я вижу три периода нашей земной жизни в любви.

Первый — рождение и воспитание любовью кем-то уже приготовленной. Второй период — существование в любви, то, что и делает жизнь такой дорогой и радостной, то есть наслаждение любовью, насыщение ею. И третий период — работа на любовь, чтобы она не иссякла на земле, постоянная отдача ее.

А теперь я попробую доказать, что эти наши три периода жизни и любви действительно существуют. Надо ли напоминать, что в рождение человека родители вкладывают всех себя без остатка, неутомительно следуя вечному могучему природному закону продолжения рода? Почти сразу после медового месяца молодой отец начинает беспокоиться. Будет ли у него ребенок или нет? И когда? Тревожится и женщина, ждет, как будто сдает экзамен перед всей природой и перед своим любимым.

Ну, вот, наконец, младенец явился. Не будем говорить о трудностях, которые обрушиваются на мать и отца. Трудности космические, ведь это главное дело человеческой жизни — вырастить человека, вырастить надежду для многих людей, вырастить разум до размеров, обнимающих микро- и макрокосмос, вырастить любовь и утешу для своей старости.

Накормить дитя пищей физической можно, к питанию любовью дитя совершенно ненасытно. Оно бы никуда от себя не отпустило ни мать, ни отца, не сходило бы с рук. Больше того, дитя никак не может насытиться любовью отца и матери, ревнует их к гостям, ревнует их друг к другу: все ему, ребенку, мерещится, что его недостаточно любят.

В подростковом возрасте питание любовью принимает сравнительную окраску. Если в младенческом возрасте лучше моей мамы никого нет, а папа, отец — вообще бог, который вмещает в себя и небо, и землю, и любовь, то у подростка начинаются проблемы — критическое разглядывание тех, чей любовью он питается. Самый болезненный период. Почти раздвоение личности, почти распад сознания. Как? Оказывается, мой отец — вовсе не бог. Он — слесарь. И зачем столько отец слесарь? Как? Моя мама, лучшая в мире мама, всего-навсего сторож в детском саду?

— Мама, — спрашиваю я, спрашивают все дети, каких я знала, — мы богатые или бедные?

Уже горько догадываюсь, что нет, не богатые. И начинает разрываться бедное сердце подростка. Мало ему любви сторожа и слесаря. Будь бы, например, вот этот вскармливающий меня отец космонавтом, а мама знаменитой актрисой, вот бы сколько мне любви досталось! Но тем не менее воспитание любовью уже состоялось, потихоньку родители приготовили

меня к жизни, и вот мой молодой организм входит во взрослую жизнь. Чувствует и силу мышц, и силу сердца, полного, чуткого, отзывчивого на смех и на слезы, чувствует силу разума, стремительность мысли.

В мыслях своих каждый человек совершенен. Начинается чудо расцветшей жизни. Она вся устремлена к любви, к требованию любви. Любовь родителей уже мала, ее не хватает молодому человеку. Надо, чтобы на меня оглядывались прохожие, надо, чтобы меня полюбил весь мир. Вот на этой неуемной жажде любви, несоответствии желаний и возможностей и происходит разлом, после которого молодой человек или девушка могут заявить в гордыне: а, никакой любви и нет вовсе.

Да как же нет! Есть любовь! Во всяком случае, она должна обязательно быть, любовь требуется не только мне или тебе, она требуется всюду. Культура жизни и состоит в понимании этой простой истины. Ты хочешь, чтобы тебя полюбил учитель в школе, но и учитель точно так же хочет, чтобы ты полюбил его. Ведь ясно же видно, что тут дело в любви, ведь мы так и говорим прямо: «Я не люблю этого учителя» или: «Да не люблю я этого ученика».

Приходит молодой человек в рабочий коллектив. Тайное желание сердца: я хороший, меня нужно любить. Но в коллективе — взрослые люди, как говорила Марина Цветаева, «каждый со своей экземой». По этой причине они тебе не нравятся: мыслы какие-то! Я не мырра, а они мырры. Но у каждого человека, как и у тебя, чуткое сердце. И тебя прочтывают: «Ах, раз мы такие, по-твоему, ну, тогда и ты — мырра». И все — и любовь не состоялась. А при культуре жизни в любви все ведь могло, да и чаще всего бывает наоборот. Ты придешь к людям с любящим сердцем, и тебе ответят любовью.

Откуда же берется любящее сердце? Появляется оно от чувства смысла жизни, я уточняю: не от знания, а от чувства. Это чувство может быть и неосознанным, а как бы унаследованным по характеру от дедов, от отца с матерью. Смысл жизни может открыться от встречи с настоящим любящим человеком. До смысла жизни можно додуматься самому или сверить свои размышления с книгой. И вот окажется, что смысл жизни только в любви. Во-первых, надо ясно увидеть, что человек — каждый без исключения человек — зажат в тонкой оболочке жизни между холодным космосом и каменным телом планеты. Зажат вместе с птицами и зверями, рыбами и растениями. Мало того, что это все живое, само по себе чудо, но это еще и твоя система жизни. Хорошо бы все это полюбить за то, что это все — необыкновенно красивое. Допустим, вы увидели эту красоту и полюбили ее, следующий шаг, видимо, состоит в том, чтобы броситься в гущу жизни и помогать ей не иссякнуть, не превратиться. Ведь жалко же, если остановится чуткое и отзывчивое сердце, ведь жалко же, если погаснет такой мужественный и напряженно ищущий разум.

Помогать жизни на земле можно, только любя все это. «Трудно любить людей», — говорил Лев Николаевич Толстой, — но можно, если предоставить себе, что люди — дети. Нельзя объять необъятное. Поэтому стараются любить ближайших к себе людей «положи душу за други своя» — древнейший закон жизни. «Не убий», — древнейший закон жизни. Нет ничего удивительнее и интереснее жизни — не оборви ее! Помоги ей! — вот и весь смысл жизни. Убить ведь жизнь можно по-всякому. Можно вытоптать, ударить ножом, словом. Но если ты вытопчешь, ударишь, то ведь в ответ и тебя вытопчут, ударят. Это уж, конечно, мука, а не жизнь, ненависть, а не любовь.

Мне хотелось бы поделиться тем знанием и пониманием жизни, которое было у моей мамы. В детские мои годы, когда о боге было категорически запрещено говорить, я спрашивала маму: что такое бог? Мама моя была вот именно сторожем в детском саду. Поэтому официальное общество ею совсем не интересовалось, и можно было тайком поговорить о боге. Она мне рассказывала. Ты же видишь, что на земле две высшие силы: жизнь и смерть. Жизни много сладкой и счастливой, но и смерти много. И человеком, и скотиной, и травой распоряжается то жизнь, то смерть. Давным-давно, очень давно люди называли все, что есть жизнь, все, что позволяет быть жизни — Богом, а силы, которые несут смерть, называли Сатаной. Если ты живой человек — ты принадлежишь жизни, то есть Богу. Чуть тебя касается смерть, тебе больно, к боли человек и все живое привыкнуть не могут. Но хитят боги, хотят смерти. Из этого и выходят две ценности жизни.

По маминной логике получалось, что жизнь — это добро для человека, смерть — зло. Стало быть, все, что работает на жизнь, — это добро, все, что несет смерть, в том числе болезни, боль, унижение человека, обворовывание его, духовное и материальное, — это зло. По маминной логике, любовь — это пульс жизни, признак жизни, а ненависть — это уже пульс смерти. Человек, живущий в любви, благоустраивает жизнь, укрепляет ее. Человек, живущий в ненависти, живет в смерти. Более мудрой раскладкой, более простой и ясной, чем у мамы, я не читала ни в одной книжке. Хотя ведь общечеловеческая заповедь «Не убий!» записана уже в Библии Моисеем приблизительно три тысячи лет назад и «Возлюби ближнего своего, как самого себя» — тогда же. Христос две тысячи лет назад еще более углубил заботу о жизни и любви: «Что хорошего ты делаешь, что любишь брата своего, ты полюби врага своего».

Трудно полюбить своего врага, но если совершишь этот подвиг над собой, окажется, что не такой уж он и враг. Вот теперь во второй свой период жизни, период молодости и цветения, и выбирай, будешь ли ты приносить людям и всей жизни боль и смерть, тогда люди, естественно, не желая боли и смерти, будут от тебя защищаться. Либо ты с головой окунаешься в жизнь, любишь эту жизнь, купаешься в любви и жизни, работаешь на любовь и на жизнь. А уж от этого чувства любви к жизни, смерти и боли вырабатывается и поведение. Как молодой человек или девушка будут двигаться в любви друг к другу? Причиняя ли боль и сокращая жизнь, или ограждая жизнь от несовременной и ненужной боли, от смерти?

Третий период любви, работа на любовь с тем, чтобы она не иссякла на земле. Это весь период любовного труда родителей, бабушек и дедушек. Первый и последний их жест — любовный. Одна только любовь, и вся в нашу сторону, в сторону своих детей, внуков.

Человек, утверждающий, что нет любви, либо еще не родился как человек, то есть живет, как растение, и не знает человеческого участия в ответственности за жизнь и любовь. Либо он сознательно служит смерти, а не жизни и хочет вам причинить боль, лишить вас смысла жизни, чтобы вы ослабли духом, одичали, впали в ничтожество. Лучше все-таки придерживаться любви. Если ты идешь к людям с любовью, люди увидят, попросишь — помогут, придешь с помощью — приветят. И обязательно найдется среди людей совсем родной человек, друг и брат, любимый, который встанет рядом с тобой, не побойсь ни сложностей жизни, ни смерти. Больше искать негде, только среди людей, только среди жизни, за которую в ответе человек.

Похоже, что перечень связывающих собаку и человека крылатых фраз скоро пополнится еще одной. И если этот список, скорее всего, начинается фразой «собака — друг человека», то замыкает его теперь сможет утверждение «собака — врач человека». Причем, врач в прямом смысле слова. Бригада четвероногих «терапевтов» приступила к дежурству в нью-йоркском медицинском центре Сент-Винсент. В штат этой больницы на Манхэттене взяты пять собак, которые должны помогать пациентам бороться с болезнью, одиночеством и заставлять их побольше двигаться.

Сент-Винсент стал первой больницей Нью-Йорка, получившей разрешение министерства здравоохранения на использование собак для лечения пациентов. Отобранные псы прошли строгую проверку, и им «вручили» специальные сертификаты, удостоверяющие их профессиональную пригодность для ответственной работы с людьми. Правда, никаких особых знаний и подготовки от четвероногих претендентов не требовали — главными критериями служили их добрый нрав и коммуникабельность.

До последнего времени министерство здравоохранения строго придерживалось принципа «в больнице — никаких собак», и группе энтузиастов пришлось почти целый год добиваться смягчения запрета. Не вышло нововведение энтузиазма и у части персонала больницы. Однако уже первые «шаги» четвероногих докторов оказались более чем успешными.

Одно только появление в больничных покоях пяти добродушных псов изменило общий настрой. По словам Джанет Уолпол, работающей в службе содействия, отклик пациентов на появление животных был просто невероятным. «Я видела здесь людей, которые неделями ни с кем не разговаривали, а теперь они что-то рассказывали собакам», — сказала она.

Исследования показывают, что присутствие рядом с человеком животного помогает снизить высокое давление, снимает стресс, ускоряет процесс выздоровления. Иногда самым страшным и опасным для человека на больничной койке оказывается одиночество, и для выздоровления ему требуются общение и внимание, которых, к сожалению, люди не всегда могут дать.

В. РОГАЧЕВ. «Труд».

3

МАГНИТОГОРСКИЙ МЕТАЛЛ

18 февраля 1997 года № 34